

Вместе они любили
сидеть на склоне холма.
Оттуда видны им были
церковь, сады, тюрьма.
Оттуда они видали
заросший травой водоём.
Сбросив в песок сандалии,
сидели они вдвоём.

И. Бродский

Часть первая. Поэты

1.

Мальчик смотрел в замочную скважину. Его лицо было напряжённым; одной рукой он держался за дверную ручку, а второй придерживал металлический кругляшок, который закрыл бы отверстие, если бы он его отпустил. Видимый охват пространства был совсем небольшим, но родительскую машину он видел. Он смотрел, как папа складывает вещи в багажник, как мама садится на своё место и как, наконец, они покидают стоянку. По телу разливалось чувство всепоглощающей свободы.

Мальчик находился под домашним арестом за то, что выбил окно в кабинете учительницы по математике. Но если начистоту, эта глупая женщина была во всём виновата сама: она постоянно оставляла его после уроков и заставляла решать дополнительные задачки, хоть и знала, что задачки он вообще не любил — ни основные, ни дополнительные, ни какие-либо ещё. Это и стало причиной долгого, томительного ожидания того, когда же родители уедут и оставят его в покое. Слава Богу, уехали они на целый день — загорать на ближайшем озере и есть шашлыки, и это значило, что в запасе у него есть много тёплых весенних часов.

После предусмотрительного пятиминутного ожидания мальчик вырвался на улицу, как резкий осенний ветер, и

побежал. Не сбавляя темпа, он пробежал три квартала, после чего остановился у подъезда, поставив руки на согнутые колени и прерывисто дыша. Когда дыхание выровнялось, он набрал на домофоне номер девяносто девять и нажал кнопку вызова. На третий гудок трубку подняли. Это была мама девочки, и он, еле выговаривая слова, произнёс:

— Это я. Можно войти?

2.

Девочке было одиннадцать, и она его ждала. У неё было не очень много друзей, и он был единственным мальчишкой, с кем она хорошо ладила. А с девчонками, как оказалось, было далеко не так интересно — наверное, потому, что они принадлежали к её миру, а он — к какому-то совсем другому, ещё ей не изведанному. Она посмотрелась в зеркало, немного подтянула резинки на косичках и вышла в коридор.

— Привет,— сказала она.— Как ты выбрался? Родители решили тебя отпустить?

— Если бы. Они просто уехали на целый день. Они думают, что я буду примерно сидеть дома и заниматься этой невыносимой математикой, потому что я вот уже целую неделю делаю самый виноватый вид, какой только умею.

Девочка залиvisto расхохоталась. Мальчику по-настоящему нравился её смех, хоть он и резал уши. А всё потому, что, когда она смеялась, она выглядела очень красивой. Мальчику было двенадцать лет, и он уже не мог не обращать на это внимания, но каждый раз он отчаянно смущался своих мыслей, и щёки его становились пунцовыми.

— Ну что? — он сосредоточенно изучал рисунок линолеума.— Твоя мама тебя отпустит?

— Конечно, я же не выбиваю окна в школе,— она улыбнулась.— И оценки за четверть у меня хорошие, так что я могу делать всё, что пожелаю.

3.

Они давно планировали эту поездку, но в силу обстоятельств оказались совсем к ней не подготовленными. У него была с собой горсть мелочи, которую он выгреб из копилки, у неё — несколько банкнот, которыми её поощрили за примерное поведение и хорошую учёбу. Мама девочки собрала им в дорогу две коробки бутербродов и бутылку минеральной воды. Больше они решили ничего с собой не

братъ — не на неделю же уезжают, а всего лишь на один световой день.

Мальчик и девочка пошли на автовокзал. Им обоим отчаянно хотелось держаться за руки, но они не умели говорить о таких желаниях друг другу, да и кто в их возрасте умеет? Поэтому они шли рядом, на благородном расстоянии друг от друга примерно в полметра, и степенно беседовали, как настоящие взрослые.

— Ты же знаешь, что математичка — стерва, — оправдывался он. — Я, может быть, вообще не хотел никакие окна бить, но ведь она так и напрашивалась. Не то что русичка. Та — добрая женщина, всегда помогает на уроке, если это нужно, а не оставляет людей сидеть в школе, когда все гуляют. Из-за стервы я пропустил две игры в футбол! Теперь даже не знаю, позовут ли меня снова.

— Конечно, позовут. Почему нет? Играешь ты точно лучше, чем решаешь задачки.

— Ну вот и зачем тогда ей было заставлять меня делать то, что у меня получается плохо, если в это время я мог заниматься тем, что у меня получается хорошо?

Девочка снова улыбнулась. Мальчишки — они прямо как инопланетяне. Они думают о чём-то совсем другом и каким-то кардинально отличающимся образом. Вот она думает об обычных вещах: о том, как быть красивой и умной, о том, как всем нравиться, и о том, как развиваться, иначе будущее начнёт ускользать из её рук и в какой-то момент выпадет и пропадёт в тумане. Такого она себе позволить не могла. А мальчик приходил на встречи с ней грязный, весь в ссадинах и дырявых шортах, и пинать мяч ему было интереснее, чем заниматься учёбой. Ей казалось, что такие люди, как он, просто неспособны смотреть в будущее; что уж говорить о том, чтобы пытаться на это самое будущее хоть как-то повлиять?

Между тем о будущем мальчик думал постоянно. Он представлял себе, как он вырастет и станет архитектором, как его папа. Что может быть лучше, чем придумывать в голове здание, которое потом хоп — и станет настоящим? Это же прямо волшебство, а вот в математике никакого волшебства нет, и строить здания она ему никак не поможет. Как ни старался объяснить ему папа, что архитекторов, не знающих математики, не бывает и быть не может, мальчик ему не верил. В свободное время он делал картонные домики и считал, что именно это и станет залогом его будущей успешной карьеры. О девочке мальчик думать ещё совсем не умел и старательно говорил себе, что думает он вовсе не о ней, а о том времени, которое они так весело проводят вместе.

4.

Автобус, который за ними приехал, оказался ярко-жёлтым и выглядел как новенький. Они устроились на заднем ряду сидений и поняли, что автобус совсем не такой приятный, как им показалось сначала. Он кряхтел и тарахтел, в нём было совсем нечем дышать, а сиденья оказались протёртыми почти до дыр.

Мальчик задумчиво ковырял одну из почти дырок, отрывая выжившие ниточки и постепенно расширяя отверстие.

— Перестань! — шикнула девочка. — Что ты делаешь? Кто потом должен будет сидеть в этой дыре?

Он резко отдернул руку.

— Да я как-то вообще не подумал. Просто рука сама потянулась. У тебя такого не бывает?

— Не-а. У меня само ничего никуда не тянется. Я тяну то, что хочу, туда, куда считаю нужным. Только так.

Он прикрыл рот ладошкой и хихикнул.

— Может, поиграем в города? Ехать-то ещё долго, — он лукаво посмотрел на неё.

— А смысл? Я всё равно выиграю. Давай тогда уж просто в слова.

В общем-то, это было не важно, потому что и в слова она выиграла. Она всё время говорила какие-то сложные, совсем ему непонятные слова, и он злился. Он не хотел узнавать больше слов, он хотел, чтобы они знали сами, но почему-то так не получалось. Он бы легко обыграл её в морской бой, но они не взяли с собой ни бумаги, ни ручек. Мальчик проигрывать не любил, а потому потребовал матча-реванша при их следующей встрече. Он был твёрдо уверен в том, что уж к тому времени слова точно узнаются и запомнятся сами собой.

Дурацкий автобус делал остановки каждые десять-пятнадцать минут. Если бы автобус просто ехал туда, куда им нужно, они бы давно уже были там, но нет же. Мало того, при каждой остановке совсем переставал поступать свежий воздух, который при движении непрестанно лился внутрь. Он подумал о том, что если бы этот воздух сюда не проникал, он бы непременно задохнулся, но ей говорить об этом не стал.

5.

Автобус, захлёбывающийся в предсмертных хрипах, наконец-то сделал свою последнюю остановку. Они проехали вверх по горе мимо поворота к уже давно закрывшемуся

санаторию и вот — оказались в нужном месте. К этому моменту в автобусе их оставалось только двое.

Мальчик спрыгнул со ступенек, обежал автобус и посмотрел вверх. Вверху, конечно же, была гора, на которую они и ехали. Он здесь никогда не был, хотя очень давно хотел, а сегодня взял и приехал, да ещё и не один. Он оглянулся и увидел, как девочка медленно подходит к нему, зачарованно глядя на вершину.

— Знаешь, хорошо, что здесь совсем недалеко идти. Я не подумала про подъём и надела туфли вместо кроссовок. Ну что за глупость...

И правда, на её ногах были нежно-голубые туфельки с нарисованными облаками.

— Облака я сама рисовала,— она гордо задрала нос.— Тебе нравятся?

— Да, очень красивые. Ты молодец.

— Если хочешь, я могу и на твоих кедах что-нибудь нарисовать. Что бы ты хотел?

Для девочки это был не просто вопрос, а ключик. Ключик приоткрывал дверь в мир мальчишек, которые тоже чего-то хотели, и она совсем не знала чего.

— А ты лица умеешь рисовать?

— Нет, лица пока не умею. Давай что-нибудь попроще.

— Тогда нарисуй мне два револьвера! Одинаковых. Я потом покажу тебе картинку, они очень красивые.

Ну вот, так вот всё просто. Мальчишки любят оружие, это и дураку известно. Дверца в неведомый мир захлопнулась.

— Хорошо, нарисую я твои револьверы. Не думаю, что это сложно. А теперь пойдём наверх, а то простоим тут до вечера.

6.

Поднялись они очень быстро, несмотря на то, что она была в туфлях, а из-под ног всё время выскальзывали небольшие камни. Наверху оказалась большая ровная площадка, на которой можно было комфортно расположиться.

Мальчик подошёл к самому краю и посмотрел вниз. Вид, конечно, был потрясающим. Снизу всё было такое зелёное, всех возможных оттенков зелёного цвета, а сверху всё было ярко-голубым. А ещё внизу была небольшая деревушка, в которой всё так и шевелилось — взрослые, дети, животные копошились, как в муравейнике.

Девочка тоже аккуратно подошла к краю, но остановилась на два шага раньше. Она заранее знала, что увидит, но из её рта всё равно вырвался восхищённый вздох.

— Вот это да! Ты когда-нибудь такое видел? — она спрашивала его, но при этом не отрывала глаз от открывшейся ей картины.

— Ну, я как-то был с родителями в горах. Там было очень красиво, но они всё портили. Принеси то, сделай это, туда не лезь, а то упадёшь, — он сплюнул под ногу и растёр получившуюся лужицу носком обуви. — Но думаю, что вид там был не хуже. А ещё там было озеро, очень голубое. Но и здесь они не отставали: «Не лезь туда, вода холодная, ты подхватишь воспаление лёгких». Ну и что с того воспаления — не жить теперь, что ли?

— Слушай, неужели твои родители никогда не делают чего-то хорошего? Каждый раз, когда ты о них говоришь, ты рассказываешь о том, как они запирают тебя дома, кричат, ругают и что-то не разрешают. Как будто они — исключительно злые.

— Да делают, конечно. Они вообще очень меня любят. Но эта их любовь — она какая-то... — он поискал в голове нужное слово и, кажется, нашёл его, — удушающая, что ли. Как будто их хлебом не корми — дай за мной следить и оберегать от всяческих штук, которые в мире есть. Как будто они не понимают, что это вообще не работает, и даже наоборот. Не то что твои предки.

— Да, мои меня не ограничивают. Они всё время талдычат: «Сейчас самое время изучать мир и набираться опыта, так что дома не сиди!» Наверное, это работает лучше.

Он завистливо посмотрел на неё и пошёл к середине плато.

7.

Они уселись прямо на траву и достали бутерброды, которые оказались уж очень вкусными. Мальчик съел пять штук и хотел ещё, но девочка, успевшая проглотить всего три, отобрала у него коробку.

— Хватит лопать, у нас же на потом ничего не останется. А времени ещё много впереди. Кстати, ты не боишься, что твои могут вернуться домой раньше срока и увидеть, что тебя нет дома?

— Ха, ну и что они сделают? Меня и так уже заперли дома на все каникулы и заставляют заниматься противной математикой каждый день. Думают, наверное, что я от этого отучусь окна бить, а у меня уже руки так и чешутся кинуть камень с улицы сквозь стекло прямо в их спальню, — он посмотрел на её округлившиеся

глаза.— Ну, да это я так. Хочется — не значит, что я пойду и окна бить начну. На самом деле я думаю, что они специально уехали на целый день, чтобы я тайком мог немного отдохнуть. Поэтому вряд ли они вернутся раньше срока, чтобы застать меня врасплох.

— Ну да, тогда всё в порядке. Просто я беспокоюсь. Будет обидно, если ты и все летние каникулы просидишь дома.

— Да ничего страшного не будет, летом мы с тобой сможем хоть всё объездить. Главное, чтобы они не узнали про гору.

Мальчик взял тонкую палочку и начертил ею на пустом участке земли два поля для морского боя. Потом он передал палочку ей, осторожно, чтобы их пальцы не соприкоснулись. Она тоже нарисовала два больших квадрата и расчертила в них клеточки. Он твёрдо вознамерился получить свой реванш уже сегодня, и ему это удалось.

8.

Мальчик сидел, обняв руками колени, и смотрел вдаль, на горизонт. Ему было непонятно, как небо умудряется соприкасаться с землёй и оставаться таким голубым. А ещё он думал об одной старой истории. Он не знал, нужно ли ей это рассказывать, да и вообще хоть кому-нибудь. Решил, что если кому-то и рассказать, то именно ей. Главным образом потому, что она никогда не будет над этим смеяться, и потому, что она сможет его понять. Мальчишки так не умеют. Мальчишки надо всем смеются, и чем страшнее или грустнее история, тем им смешнее. Как будто они не умеют испытывать грусть.

— Знаешь, я хочу тебе рассказать, почему меня так боятся куда-то отпускать. Только я никогда и никому об этом не рассказывал, и ты никому не говори, хорошо?

— Конечно. Клянусь своими папой и мамой, никогда никто не узнает.

— В общем, когда-то у меня была сестра. Но я её никогда не видел. Родители её очень любили, они всё ещё хранят целый мешок её вещей и два фотоальбома. Когда ей было три года, она играла во дворе, а мама разговаривала на кухне по телефону. Мама смотрела в окно, но в какой-то момент отвлеклась. Никто не знает, как сестра очутилась на дороге, но когда мама повернулась к окну, она увидела, как на её дочь несётся огромный автомобиль. Сестра умерла, не дождавшись приезда скорой помощи. Вот поэтому они так и трясутся за меня. Я их понимаю, но довольно трудно жить сразу за двоих детей.

Девочке стало трудно дышать, на глаза навернулись слёзы. Они сидели очень близко, и она почувствовала, что ему так же плохо, как и ей сейчас. Она никогда этого не делала, но поняла, что так нужно, вот прямо сейчас, поэтому осторожно обняла его за плечи и поцеловала в покрасневшую щеку. По всему её телу разлилось тепло. Ей показалось, что это даже приятнее, чем обнимать и целовать маму или папу. Рук с его плеч она не убрала.

Мальчик ожидал сентиментальной реакции на свой рассказ, но думал, что она как-то справится и сможет выразить свою мысль словами. Такого он не мог даже предположить, а потому неловко дёрнулся и посмотрел на её голову на своём плече. Лёгкий ветерок дул на её платье, и оно немного приподнялось, показывая самую чуточку тонкого белого бедра. Он вспомнил, как ему хотелось держаться за руки, когда они шли к автобусу, и подумал, что теперь так будет можно. Главное — в меру и сопли не распускать. Он осторожно опёрся на левую руку, а правую положил ей на талию. Дыхание сбилось так, что она не могла этого не заметить. Он снова густо покраснел. А потом услышал, что она дышит так же неровно. И ему стало легко.

9.

Они просидели так очень долго, но не могли понять сколько — то ли пять минут, то ли целый час. У него затекла рука, на которую он опирался, и он потряс ей, чтобы с кожи сбежали мурашки. Она открыла глаза, подняла голову и отодвинулась немного. Конечно же, они не собирались об этом разговаривать. Зато им было тепло на душе и приятно, и они оба улыбались.

Девочке снова захотелось есть, и она открыла вторую коробку с бутербродами. Они молча жевали и не смотрели друг на друга. Разглядывали траву, на которой сидели, мелких жучков, деревню внизу и облака, похожие на разные смешные фигурки.

Когда трапеза подошла к концу, она посмотрела на часы и увидела на них восемнадцать сорок пять. Она крикнула:

— Пора бежать! — и бросила банку с бутербродными крошками в рюкзачок.

Спускались они очень быстро, гораздо быстрее, чем поднимались, потому что последний автобус мог уйти в любую минуту. Деревья мелькали мимо них, как геометрические фигуры в трясущемся калейдоскопе, из-под ног вылетали камни и хвоя.

Когда запыхавшиеся дети выскочили на асфальтированную площадку, автобус уже закрыл свои двери. Она отчаянно

замахала руками, а он подбежал к водительской кабине и начал стучать кулаком в стекло. Дверь открылась, они обессиленно упали на свои места и расхохотались. Это был тот же самый жёлтый автобус, и сели они там же, где сидели в первый раз.

Теперь они молчали почти всю дорогу, и их обоих клонило в сон. Когда мальчик задрёмывал, девочка не боялась на него смотреть и видела, как смешно у него открывается рот. Когда задрёмывала она, мальчик смотрел на неё и думал, что во сне она даже ещё симпатичнее. Но если кто-то ей об этом и скажет, то уж точно не он.

10.

Мальчик провожал девочку домой, и они держались за руки. Она решила посмотреть на него и сказала:

— Мне жаль, что такое произошло с твоей сестрой. Наверное, здорово было бы иметь старшую сестру. И жилось бы проще. Он почесал правой рукой затылок.

— Да, наверное, здорово, но какая теперь разница?

— Зато я теперь знаю о тебе намного больше, чем все остальные люди. Мне нравится о тебе знать.

Больше за эту прогулку они не произнесли ни слова.

Когда девочка зашла домой, мальчик опрометью ринулся бежать к себе, пока родители не успели приехать. Он запрыгнул в дом, аккуратно поставил обувь так, как ставила её мама, взбежал на второй этаж и сел за математические задачки. Спустя пять минут открылась входная дверь. Родители поднялись, поздоровались с мальчиком и почтительно закрыли дверь, увидев, чем он занят.

Он облегчённо хлопнулся на кровать. За окном уже темно, зато девочка была всего лишь в трёх кварталах от него. Он решил, что всё это к лучшему — почему бы и нет? Мальчишки на два года старше его уже всю гуляют открыто со своими девчонками. Может быть, это даже поднимет его статус среди сверстников, хоть они и будут смеяться. Кому вообще какое дело до их смеха? Он так и заснул, вспоминая неловкую сцену на горном плато, и спалось ему очень хорошо.

11.

Девочка, зайдя домой, вдруг почувствовала себя совсем взрослой. Точно взрослее, чем до этой сегодняшней поездки. Она была горда тем, что не просто заглянула за ширму мальчишечьей жизни, но влезла прямоком за кулисы. Она сняла голубые туфельки с облаками и поблагодарила маму ещё раз за прекрасные бутерброды.

— У тебя всё хорошо? — мама смотрела на неё озабоченно. — Кажется, ты какая-то... ну, не такая, как обычно.

— Всё в порядке, мам, не волнуйся. Я отлично провела день. Гора очень красивая, и вид оттуда потрясающий. И я очень рада тому, что мне было с кем это разделить.

Она улыбнулась, глядя на маму, и та облегчённо вздохнула.

— Хочешь ещё чем-то заняться или ляжешь спать?

— Наверное, лягу. Я очень устала за сегодня.

Она зашла в свою комнату, переоделась и легла под пушистый плед. Она не знала, как точно расценивать произошедшее, потому что в её системе ценностей ещё не было графы «обниматься с мальчишкой, который тебе нравится» с соответствующим количеством баллов. Однако по всему выходило, что баллы эти положительные, а не отрицательные. Больше всего её волновало то, что она не могла предугадать, как же события будут развиваться дальше. Возможно, они станут больше гулять вместе, он будет приходить к ней в гости, а через много лет она выйдет за него замуж, такая красивая в белом платье. Картинка рисовалась в её голове не полностью, потому что, несмотря на её белое платье, мальчик всё равно оставался в драных шортах и со ссадиной на коленке. А может быть и так, что он решит, что такие игры не для него, и совсем не захочет её больше видеть, и будет смеяться над ней со своими друзьями. От этой мысли по её спине пробежал холодок, и кожа покрылась мурашками.

Она ещё какое-то время думала и поняла, что склоняется к первому варианту. Платье, может быть, белым и не будет — в конце концов, это не так важно. Но уж его ссадины на коленках точно никуда не денутся. Она обняла плед руками и ногами, и с этой мыслью она заснула так крепко, как умеют спать только дети.

Часть вторая. Солдаты

1.

Глаза отчаянно не хотели открываться. Из окна сочился обжигающий свет, от которого веки смыкались сильными спазмами, а по щекам текли слёзы. Она просыпалась таким образом каждое ясное утро уже много лет, так что ощущения несколько не удивляли. Более того, они начали казаться чем-то неотъемлемым, чем-то, без чего и пробуждения-то никакого в такой день быть не может. Она посмотрела на будильник, который размыто дрожал

перед её взглядом. Взяла его, поднесла поближе и увидела ярко-красные угловатые цифры, возвещавшие о том, что сейчас ровно восемь пятьдесят девять, ни больше, ни меньше. Через минуту зазвонит уже никому не нужный будильник.

Вообще, утренние пробуждения ей не давались с самого детства. Когда мама будила её, пятилетнюю, в семь утра, говоря, что пора чистить зубки и одеваться, чтобы пойти в садик, она крепко сжимала нечищенные зубы, чтобы не пустить слезу. Потом были десять лет школы в первую смену. Она не могла понять, что происходит: мир не приспособлен для неё или она для мира? Со временем решила, что скорее второе. Большинство скажут вам, что девять часов — это отнюдь не раннее утро, но не слушайте их, если ваши биологические часы работают иным образом. Она и не слушала. Она знала, что обеденное пробуждение — это лучший подарок, который она может себе преподнести. Но не сегодня. Сегодня нужно встать, размять кости, позавтракать и совершить своё маленькое путешествие.

Он, конечно, уже давно был на ногах. «Слава Богу, — подумала она. — Слава Богу, что разница в наших временных плоскостях не мешает нам жить вместе и хоть иногда пересекаться». Сейчас она уже не могла бы представить, что бы она без него вообще делала. Она просыпается голодной — он уже приготовил завтрак, она болеет — он за ней ухаживает, она спит — и чувствует его тёплую руку на своём животе. Возможность скорого расставания, висевшая над ними дамокловым мечом, начала особенно пугать её несколько месяцев назад. Как-то раз она проснулась и поняла, что времени совсем мало, его почти нет. Нужно торопиться, успевать насладиться близостью, успеть впитать своим животом всё тепло из его руки, которое он способен отдать. С тех пор это чувство больше не оставляло её. «Не чувство, — мелькнула мысль. — Это знание». Пусть она не понимала, как вести точный обратный отсчёт, но всё равно вела его по-своему: вместо «десять, девять, восемь...» она говорила себе: «Вот осталось ещё на секунду меньше, и ещё на одну минуту». Кому-то, возможно, это помешало бы наслаждаться тем общим временем, которое им подарила неведомая сила, но для неё всё только обострялось и прояснялось. Незамолкающая тревога давала ей полноценно ощущать всё, что они могли прожить вместе.

Душ, как и всегда, оказался неуправляемым. Температура менялась всегда неожиданно, хотя она и знала, что это обязательно произойдёт. Она не любила контрастный душ, но с этим ничего

нельзя было поделаться. Горячая, холодная, снова горячая, ещё раз холодная — и вот сеанс закаливания оказался завершён.

2.

Когда она оделась, завтрак уже был готов. На столе её ждали сырники с земляничным вареньем, воздушный омлет и чашечка латте. Для неё такое внимание всегда было чем-то особенным. Он мало говорил, и ей не хватало словесной отдачи, но зато он много, очень много делал. Конечно, ей это нравилось, и не просто нравилось — она ценила это так, как ничто другое в жизни, но всё-таки временами её одолевала визжащая зависть к тем женщинам, чьи мужья умеют слушать столько же, сколько говорить.

— Доброе утро, — сказал он, улыбаясь и почёсывая правую ногу левой. — Как ты? Тебе удалось безболезненно проснуться?

Она рассмеялась.

— Знаешь, почему я с тобой живу? Потому что ты — невозможный оптимист. Ты знаешь, что мне никогда это не удавалось, но всё равно спрашиваешь и при этом искренне веришь, что вот именно сейчас-то всё у меня и получилось. Нет, дорогой. Вставать в девять утра — чувствовать на себе тяжесть всего нашего древнего мира. Для меня так всегда было и всегда будет.

Последние слова она договаривала, уже складывая в рот треть первого сырника, с которого капало варенье. Улыбка наполняла её лицо.

— Какие боги вселяются в тебя, когда ты их готовишь?

— Мне хочется верить, что я справляюсь собственными силами.

Они решили не читать сегодня традиционную газету и не отгадывать, кто из знаменитостей остался в дураках после развода с хитрой женой. Это был день-для-двоих, который они заслуженно могли себе позволить. Они говорили, а количество еды на столе уменьшалось как бы само собой. «Нарушение пищевого поведения», — подумалось ей. Но не всё ли равно?

3.

Вещи, которые могут понадобиться в дороге, они собрали ещё с вечера, а плюс двадцать шесть градусов по Цельсию помогли сократить время, затрачиваемое на одевание. Она выбрала лёгкое голубое ситцевое платье с мягкими кедами, он — синие шорты и зелёную футболку. Дверь они всегда закрывали на оба замка, вот и теперь закрыли — времена нынче не те, когда можно оставить ключ под ковриком и уехать колесить по стране.

Он и она сели в нагретую солнцем машину, настоящую душегубку: она — на водительское сиденье, а он — на пассажирское. Несомненно, водил он лучше, но в последнее время что-то такое приключилось с его зрением, что не позволяло ему отчётливо видеть дорогу и ехать, не подвергая окружающих опасности. Зато он всё ещё мог убедить её в том, что им нужно именно два полностью открытых окошка, и в том, что это не принесёт вреда их здоровью.

Полдень застал их в пути. Жарило безбожно, и спасали только предусмотрительно открытые им окна. По кабине автомобиля гулял шальной ветер, обнимал её и шептал, что так будет не всегда. Она и без того была озабочена тем, что жара и душный воздух — не лучшие сотрудники в подъёме на гору, даже в таком небольшом, а тут ещё и маленький поганец-ветерок решил напомнить ей о том, чего она вот-вот лишится.

Он, конечно, уже знал, что её тревожит, и решил, что время пришло. Время поэзии должно наступать всегда, а в романтический день-для-двоих тем более, несмотря на то, что это клише и пошлость. У них оставалось не так много времени, чтобы отметить приятные события, громко шлёпая на них печать с надписью «шаблон».

— Куда ты сегодня засунула дорожную книжку?

— Господи, да она там же, где и всегда. В рюкзаке, в отделении, которое ближе к спине.

Он достал небольшой томик Бродского и присвистнул. Кажется, сегодня она решила сделать ответный ход и позаботиться о нём так же, как он заботился о ней, беря с собой томики Бодлера и Пастернака.

— Давай погадаем, давно этого не делали,— предложил он.— Называй страницу.

— Девяносто девятая, конечно. Что там?

На девяносто девятой странице оказалось стихотворение «Предпоследний этаж». Он читал его, замирая:

Предпоследний этаж
раньше чувствует тьму,
чем окрестный пейзаж;
я тебя обниму
и закутаю в плащ,
потому что в окне
дождь — заведомый плач
по тебе и по мне.

Нам пора уходить.
Рассекает стекло
серебристая нить.
Навсегда истекло
наше время давно.
Переменим режим.
Дальше жить суждено
по брегетам чужим.

В машине воцарилась тишина.

4.

— Этого следовало ожидать,— она повернула направо.—
Мы же не будем впадать в неизбывную тоску из-за того, что
нам и так известно? Тем более сегодня.

— Нет, конечно, нет. Просто это было неожиданно. Давай
увеличим чистоту эксперимента. Теперь я назову страницу, а
потом прочитаю то, что написал мне для сегодняшнего дня наш
старый друг Иосиф.

Он выбрал страницу девятнадцать и прочёл следующее:

То не Муза воды набирает в рот.
То, должно, крепкий сон молодца берёт.
И махнувшая вслед голубым платком
наезжает на грудь паровым катком.
И не встать ни раком, ни так словам,
как назад в осиновый строй дровам.
И глазами по наволочке лицо
растекается, как по сковороде яйцо.
Горячей ли тебе под сукном шести
одеял в том садке, где — Господь прости —
точно рыба — воздух, сырой губой
я хватал то, что было тогда тобой?
Я бы заячьи уши пришил к лицу,
наглотался б в лесах за тебя свинцу,
но и в чёрном пруду из дурных коряг
я бы всплыл пред тобой, как не смог «Варяг».
Но, видать, не судьба, и года не те.
И уже седина стыдно молвить — где.
Больше длинных жил, чем для них кровей,
да и мысли мёртвых кустов кривей.
Навсегда расстаёмся с тобой, дружок.
Нарисуй на бумаге простой кружок.

Это буду я: ничего внутри.

Посмотри на него — и потом сотри.

— Мне кажется или наш старый друг оказался чрезмерно честен с нами?

Он, не моргая, с минуту смотрел в книгу, затем резко её захлопнул. Он был чуть младше её — на какие-то одиннадцать месяцев, но в их возрасте это казалось каплей в море. Сегодня был её восемьдесят седьмой день рождения, и он точно не желал ей напоминать об этом. Но его забыли спросить о том, чего он хотел, а чего нет. Они уже пятнадцать лет жили в своё удовольствие: она спала до обеда, а он, вместо того чтобы идти на опустылевший завод, садился на постель в очках, с газетой и чашкой «Эрл Грея» и смотрел на неё. Она казалась такой маленькой — даже меньше, чем почти семьдесят лет назад, когда для того, чтобы сделать ей предложение, он опустился на одно колено и оказался совсем чуть-чуть ниже её. Сейчас же она казалась ребёнком. Он думал: может, что-то произошло со временем? Может быть, оно решило прокатиться по кругу, и вот прямо сейчас ей снова стало двенадцать лет, а ему — одиннадцать, и сейчас она проснётся, и они сразу же, не умываясь, побегут к речке, чтобы ловить жирных раков на свои детские пальчики? Он смотрел на свою руку, покрытую уже даже не просто морщинами, а крепостными рвами, и вспоминал, что так ведь не бывает. Не может быть человеку восемьдесят шесть, а потом снова одиннадцать. Всё идёт в одну сторону, и они оказались частью этого всего. Тогда он обнимал её, а она начинала яростно ворочаться во сне.

Но несколько месяцев назад что-то изменилось. Он никак не мог понять, что именно, но чувствовал, как будто одна из мойр дала клубок её жизненной нити поиграться своему любимому коту, и нить начала разматываться, разматываться и разматываться, а клубок уменьшаться, уменьшаться и уменьшаться. Он видел, что она теперь проживала жизнь с какой-то невероятной интенсивностью, поглощая все доступные информационные потоки и жадно впитывая каждый солнечный луч (кроме, конечно, тех самых, утренних), но он так не умел. Он оставался в своём обычном темпе, и всё, что он мог сделать, — поддерживать её так, чтобы она успела как можно больше. Что он, собственно, и делал.

— Не расстраивайся так, — её голос был так далеко, будто она плыла на лодке, а он лежал на дне и силился расслышать её

сквозь три метра толщи воды. — Лучше почитай ещё, мои уши просят больше Бродского. Просто не будем больше гадать.

И он читал ещё.

5.

Машина остановилась, а вместе с ней остановился и спасительный ветер. Она вышла, и ей в глаза ударила гора, резко очерченная на фоне ярко-голубого неба. Она не могла вспомнить, поэтому спросила его:

— Эй, красавчик! Неужели двадцать лет назад здесь был такой же вид? Кажется, я вижу это впервые.

— Тогда мы остановились чуть ниже по склону, а к этому моменту от подъёма мы уже обливались потом. Наверное, он заливался в глаза и не дал нам рассмотреть это местечко как следует.

Ну конечно же. Тогда проезжая часть дороги заканчивалась раньше. Люди обычно приезжали сюда в небольшой санаторий, располагавшийся по другую сторону от горной вершины, и идти до него от того места оставалось метров двести. Но теперь санаторий закрылся, а гора стала туристическим местом. Просто чудо, что сегодня здесь было так тихо.

Они надели на себя небольшие рюкзачки — ровно такие, в которые помещается всё необходимое, но их старые спины ещё не скрипят от веса, как несмазанные колёса. Он накинул на плечо термосумку с обедом и опасно посмотрел вверх. Двадцать лет назад подъём на эту гору казался серьёзным мероприятием, но теперь он представлялся чем-то невозможным. Гора не была большой. До верха оставалось дойти всего-то пару километров (целую пару километров). И крутой гора тоже не была. Просто для них пара километров и по ровной местности уже была на пределе возможностей, но идти при этом вверх? Он сомневался уже тогда, когда она сказала, что намерена вернуться на эту гору, и непременно в свой день рождения. Теперь его сомнения достигли апогея. Он стоял с рюкзаком за плечами и сумкой на боку и смотрел, всё смотрел и смотрел и не двигался с места. Она ткнула его локтем в бок:

— Что, красавчик? Мы ещё и не начали, а ты уже сдулся?

— Кто сдулся, я? Да я буду на вершине ещё до того, как ты начнёшь ползти в её сторону, как маленькая улиточка.

— Ну да, конечно. Если ты отойдёшь от меня хоть на два шага, я упаду и расшибу себе голову. И всё равно окажусь наверху быстрее, потому что за мной прилетят ангелы и поднимут

меня туда под белы ручки, пока ты будешь кряхтеть где-то в середине пути.

Они оба рассмеялись. Секрет их успешного брака заключался именно в их непомерной язвительности. Возможно, если бы им было некуда сливать свой яд, то он бы давно разъел их до костей, и они умерли бы ещё сорок лет назад. Но они были друг у друга, а потому успешно жили все эти годы — не только радостно жили вместе, но и просто — жили.

6.

Она крикнула:

— Не дрейфь! — и начала бодро подниматься на гору.

Он быстро оказался рядом, чтобы подхватить её в случае неверного шага. Они шли в своём обычном прогулочном темпе, чтобы не сбить дыхание и не перенапрячь ноги, но это не помогло: спустя двести метров подъёма они бессильно опустились на большой камень. Она взяла его за руку и начала играть с его костистыми пальцами. Выяснилось, что, чтобы перевести дух после двухсот метров подъёма, им требуется десять минут.

Они пошли дальше, чуть медленнее, и смогли пройти триста метров за один подход, но тут она почувствовала, что её нога скользит, а из-под неё выкатывается несколько маленьких камушков. Как в замедленной съёмке, нога медленно ползла вниз, и ей было не за что ухватиться. Она совсем забыла, что надо крикнуть, иначе он так и не заметит, что она отстала, и не сможет ей помочь, поэтому просто стояла и хватала рукой воздух. Он обернулся на звук скатывающегося по склону камня и подбежал, чтобы схватить её за руку. Она облегчённо подтянулась и поставила скользившую ногу на твёрдую почву, после чего они сели отдыхать прямо на землю.

— Наверное, со стороны это выглядит очень комично: две рухляди, которые толком уже и ноги передвигать не умеют, пытаясь, тащатся в гору, Мы — как те слепые из притчи, которые щупают слона в попытке составить о нём представление, — она по-детски хихикнула.

— Ну, со стороны нас, слава Богу, никто и не видит. Думаю, если мы ещё немного сбавим темп и будем хорошо смотреть под ноги, то за этот подход мы сможем преодолеть метров четырёхста.

И они пошли дальше. Оставшийся отрезок пути не принёс особенных затруднений, зато оказался очень красивым: по обе

стороны от тропы их окружали высокие деревья, а тропа была усеяна хвоей и начинающимися желтеть листьями. Запах стоял такой, какой можно ощутить в новенькой, только что срубленной бане, когда паришься свежесобраным веником. После случая с камнем им потребовались всего три десятиминутных остановки, чтобы достичь намеченной цели, и в это время они думали о том, что дорога назад окажется легче.

7.

Гору венчало небольшое плато, на котором можно было удобно и безопасно разместиться на несколько часов. Когда они подошли к его краю, то поймали себя на одном и том же ощущении — как будто кто-то щекотал их лёгкие, и те рефлекторно сжимались, выталкивая из себя воздух чуть сильнее, чем обычно. Они увидели долину, в которой расположилась небольшая деревушка в две улицы. Всё шевелилось: кто-то работал на своём земельном участке, кто-то шёл в магазин, дети играли в догонялки, но звуки до них почти не долетали, уносимые ветром в обратную сторону. Вокруг стояли деревья — местами ещё зелёные, но всё больше жёлтые, а над ними раскинулось ярко-голубое небо.

— Какая красота,— выдохнула она почти шёпотом.— Ты всё ещё думаешь, что оно того не стоило?

— Думаю, что и я иногда ошибаюсь, как ни горько это признавать. Я совсем забыл, насколько здесь удивительно. Ты — склад памяти о прекрасном в нашей семье,— и он повел её в центр плато.

Они расстелили небольшие коврики, на которые можно было вольготно прилечь, надели головные уборы, которые помогли им спрятаться от солнцепёка, и приступили к обеденной трапезе. Он достал из рюкзака термос с холодным чаем, а из термосумки — тёплые бутерброды с колбасой и сыром. Ели они молча.

Когда они закончили, она скромно протянула ему томик Бродского.

— Давай попробуем ещё разок? — она смотрела на него, как провинившаяся собачка смотрит на грозного хозяина.

Он улыбнулся:

— Если ты этого хочешь...

Он наугад открыл страницу, и на ней оказались «Пилигримы»:

Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звёзды горят над ними,
и хрипло кричат им птицы:
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И, значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам.
Одобрить её поэтам.

— Иногда мне хочется знать, когда я перейду из поэтов в солдаты, а иногда совсем не хочется,— она задумчиво теребила подол голубого платья, сжимая и разжимая его пальцами правой руки.— Сегодня скорее хочется. Если я всё правильно понимаю, то чем ближе переход в состояние удобрения, тем сильнее интенсивность моего восприятия. И я готова съесть свою шляпку, если окажется, что может быть сильнее, чем сейчас.

Он попытался что-то сказать, но она остановила его, мягко прижав к его губам палец.

— Я думаю, что сегодня был бы лучший день для этого. Представляешь, как символично — всё лучшее из моей жизни в одном дне? Сегодня — кульминация, сегодня — самый красивый закат, которого я могла бы пожелать. Единственное, чего мне действительно не хочется, так это оставлять тебя здесь. Но я точно знаю, что так будет. Я хочу, чтобы ты пообещал мне, что ты не погрузишься на оставшееся время в пустоту. Я хочу, чтобы ты провёл отведённые дни так же насыщено, как я провела свои. Не представлял меня, когда читаешь стихи, и не хотел читать их мне, а просто — читал. И я точно не хочу, чтобы тебе было больно. Как думаешь, ты бы смог?

Он закрыл глаза. Ему становилось страшно от одной мысли о том, о чём она ему говорила. А сейчас, после столь красочного монолога, он боялся так, как никогда в своей жизни. Глаза он закрыл, потому что на них навернулись те самые слёзы, которых она так не хотела.

Он попытался представить себе, как это, и сам удивился тому, что получилось. Вот он встаёт с постели и готовит себе вкусный завтрак — тот, который любил он, а не тот, который любила она. Читает утреннюю газету, потом ложится в заправленную постель и выкуривает сигарету. Когда он курил в постели в последний раз? Да лет семьдесят назад, незадолго до своей женитьбы. Он выходит на улицу, но не следит за каждым её неверным шагом, а смотрит вокруг. Вот дети играют на площадке. Вот мама ругает сына, который шалил в садике и упорно дёргал девочку за косички. Вот его соседка, грузно переваливаясь с ноги на ногу, несёт домой два полных пакета из ближайшего магазина. А вот местная бездомная собака роется в мусорке, чтобы раздобыть себе обед. Он открыл глаза.

— Знаешь, мне действительно кажется, что я смогу.

Он сказал это с такой непогрешимой уверенностью, что она не смогла ему не поверить. Она блаженно улыбнулась, растянулась на коврике, закрыла лицо шляпкой и сказала:

— Вот и ладненько.

8.

Они сидели дома и вспоминали прошедший день. Обратная дорога действительно оказалась легче, чем дорога туда. Те, кто говорит, что спускаться с горы сложнее, чем на неё подниматься, делают это только по одной причине: им однозначно меньше восьмидесяти семи лет. Они были очень внимательны,

поэтому больше не поскальзывались на нетвёрдо лежащих камнях, а в машине им не понадобился даже Бродский — они упоённо разговаривали друг с другом.

Им обоим давно не было так легко и спокойно, как остаток этого дня. Больше не было тревожного ожидания неизвестности, всё было легко и понятно. Они смеялись даже больше, чем обычно, и это было прекрасно, но день подходил к концу. Ей захотелось спать. Может, она и сова, но ранний подъём может уложить в постель в одиннадцать даже её.

Она легла, свернувшись клубочком, и он крепко её обнял. Спать ему, как ни странно, ещё не хотелось, поэтому он лежал и слушал её глубокое медленное дыхание. Вдох — выдох, снова вдох — снова выдох, ещё вдох — длинный, с присвистом, выдох — и тишина. Он открыл глаза. Он ничего не сказал и не попытался её разбудить. Он пошёл на кухню, взял со стола пачку сигарет, зажигалку и пепельницу, поставил их на тумбочку у кровати, лёг и закурил.

9.

Уезжай, уезжай, уезжай,
так немного себе остаётся,
в тёплой чашке смертей помешай
эту горечь, и голод, и солнце.
Что с ней станет, с любовью к тебе,
ничего, всё дольёшь, не устанешь,
ничего не оставишь судьбе,
слишком хочется пить в Казахстане.
Так далёко, как хватит ума
не понять, так хотя бы запомнить,
уезжай за слова, за дома,
за великие спины знакомых.
В первый раз, в этот раз, в сотый раз
сожалея о будущем, реже
понимая, что каждый из нас
остаётся на свете всё тем же
человеком, который привык,
поездами себя побеждая,
по земле разноситься, как крик,
навсегда в темноте пропадая.

(И. Бродский)